

Рокс
НОКС

18+

Матрёшка
для
НАГЛЕЩА
Зощки

Рокси Нокс

Матрёшка для наглеца Гошки

<https://litres.ru/73825647>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как насолить любовнице мужа?

Очень просто!

Соблазнить её папу своими «матрёшками», выйти за него замуж и стать бессовестной мерзавке злобной мачехой.

И все бы ничего, но папаша её – настоящий хам, бабник и фетишист.

Справлюсь ли я с буйным отцовским темпераментом, или лучше отказаться от своей нелепой затеи?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Матрёшка для наглеца Гошки

Глава 1

Толкаю плечом массивную дверь и вхожу в кабинет, стискивая в потных ладонях коробку с матрешками.

За массивным столом сидит «пивной барон» Георгий Романович Залесский. Не человек, а прямо портрет из журнала «Форбс»: ухоженная щетина, модная стрижка и широкие плечи, обтянутые дорогим пиджаком.

– Я вам не назначал, – говорит он сухо, даже не поднимая головы от бумаг.

В помещении пахнет дубом, дорогим табаком и немножко хмелем. И у меня подкашиваются колени от собственной смелости.

Я прорвалась в чужой офис под видом продавца сувениров. Секретарша, сражённая аргументом «эксклюзивный подарок для вашего босса от губернатора», только махнула рукой.

– Я... Марина, от сувенирной лавки. Вам привезли эксклюзивные матрешки, – выдавливаю заранее придуманную фразу, делая шаг к столу. – Можно продемонстрировать?

Он наконец смотрит на меня. Взгляд скользит по моему

синему платью с вышивкой, останавливается на лице, затем медленно, оценивающе, опускается ниже.

На мою грудь, которая от волнения предательски вздымается под тесным платьем.

Вижу, как в его глазах вспыхивает что-то непристойное, до жути знакомое. И у меня от этого взгляда появляются мурашки на спине.

– Матрешки? – Залесский откидывается в кресле, складывая руки на животе. Ухмылка тянет уголки его жесткого рта. – А у вас, девушка, и свои, прямо скажем, пары интересные. Тоже, поди, разборные? Могу предложить вам личную сделку. Обсудим в неформальной обстановке? Мой лифт на приватный этаж работает без очередей.

В воздухе повисает тяжёлая, непристойная тишина.

Во рту пересыхает. И вся моя заготовленная речь про «ваша дочь разбивает чужие семьи» испаряется.

Ну и нахал!

Я пришла сюда, чтобы открыть ему глаза. Сказать, что его кровиночка – бессовестная разлучница, которая ломает семьи. А он... он видит только то, что видит.

Похотливый козел!

Осторожно кладу коробку на край его стола. Руки дрожат от ярости.

– Я пришла поговорить о вашей дочери, – начинаю я, пытаюсь сохранить самообладание. – Она...

– Об Алиске, что ли? – брови Залесского ползут вверх. –

Так Вы подружка ее? Просила что-то передать?

– Она встречается с моим мужем, – выпаливаю я, чувствуя, как горят щеки. – Они уже три месяца вместе. Я... нашла их интимную переписку. Видели бы Вы только, что она ему писала! У вашей дочки нет комплексов. На все согласная. И еще она знает, что он женат.

Я ждала чего угодно: гнева, отрицания, извинений. Но Георгий Романыч лишь фыркает и делает пренебрежительный жест рукой.

– Ну и что? Молодая, красивая девушка, имеет право развлекаться. Ваш муж, видимо, мужик что надо, раз моя дочь на него внимание обратила. А вы вместо того, чтобы по магазинам бегать да фитнесом заниматься, суетесь тут с дурацкими куклами. Может, дело не в Алисе, а в вас? – Его глаза снова прилипают к моей груди, а в голосе звучит грубая насмешка. – Хотя кое-чем вы, безусловно, одарены. Только одними сиськами семью не удержишь. Надо головой работать. Или другими частями тела.

Нет, ну это уже слишком! Даже чересчур.

Наглый босс только что обвинил в развале семьи меня! Меня!

Я не думаю, не рассуждаю. Рука сама тянется в коробку. Пальцы смыкаются на самой крупной, тяжелой матрешке – расписной барыне в цветастом платке.

Деревянное изделие со свистом рассекает воздух и со звонким, очень удовлетворительным ТЫК! встречается с его

лбом.

Ой...

Георгий Романович ахает, больше от неожиданности, чем от боли, и хватается за голову.

Матрешка, к счастью, не разбилась, а отскочила и покати-лась по полированному столу, весело постукивая.

– Хам! – выдыхаю я, глядя на него сверху вниз. Внутри все кипит, колени ослабли, но голос мой звучит воинственно. – А ваша дочь – шлюха. Семейное у вас, видимо. А «матрешки» мои не для вас. Так и знайте!

Подхватываю коробку, разворачиваюсь на каблуках и иду к двери чёткими, гордыми шагами, чувствуя, как изумлён-ный взгляд пивного барона жжёт мне спину.

За дверью слышу приглушённое: «Что за нах...».

А матрёшка, кстати, отличного качества. Даже не треснула. Голова Залесского тоже вроде бы в порядке, но синяк на лбу обеспечен.

Лифт едет вниз мучительно медленно. В его зеркальных стенах на меня смотрит собственное бледное лицо с огром-ными глазами. Несчастливая, преданная женщина тридцати пяти лет от роду, которая поверила в сладкие речи выходцу с Кавказа.

Ацамаз так красиво ухаживал за мной, так сладко пел в уши, что я самая-самая, заваливал подарками, пока я не ска-зала ему «да». И что в итоге? Он нашел себе другую, особо не таясь.

Надоела ему русская Марина, нашел себе русскую Алису. Этот идиот вообще сказал, что имеет право на четырёх жен. Я, конечно, сказала этому султану недоделанному в нецензурных выражениях, куда ему катиться со своими женами, и вещички его собрала и выставила в подъезд.

Так, и что теперь будет? Залесский вызовет охрану? Меня посадят? Не хватало еще провести ночь в СИЗО! У меня завтра благотворительная ярмарка на площади, и я никак не могу пропустить это мероприятие!

Весь театр с матрешками был для того, чтобы выскочка Алиса Залесская поняла, что нельзя так делать – чужих мужей уводить и про их жен нехорошие вещи говорить.

Высокомерная красotka в переписке с моим мужем называла меня скучной жирухой и недоумевала, как со мной можно спать в одной постели, ведь я наверняка ужасно потею. Да с чего бы это вдруг, спрашивается?! До климакса мне еще далеко!

Я хотела заручиться поддержкой ее отца, а вместо этого ударила его по голове. И от этого становится почему-то не страшно, а смешно. Горьковатый комок смеха подкатывает к горлу. И я закусываю губу, чтобы не рассмеяться вслух, истерично и громко.

Юсупова, ты попала! То есть, Пирогова, теперь, конечно. Вместе с разводом обязательно верну себе девичью фамилию. Не буду носить имя предателя!

А Залесский сам напросился.

Говорил гадости, предлагал непристойности.

В общем, сам виноват!

Ах, если бы я знала, что меня ожидает уже завтра, то вернулась бы и, засунув гордость куда подальше, извинилась перед ним...

Глава 2

На следующий день я стою в своей палатке на городской ярмарке.

Народ гуляет, гармошка играет, запах пряников и блинов плывет по округе.

У меня на прилавке матрёшки, хохлома, платки. Всё ярко, нарядно и очень по-русски. Пытаюсь улыбаться покупателям, а сама чувствую себя скверно.

Потому что здесь рядом, в соседней палатке, красуется вывеска – «Пиво Залесского – сила традиций!» Народ там толпится в три раза гуще, чем у меня. Еще бы! Халяву пенную раздают, хоть и безалкогольную.

Вдруг вижу, как между рядами важно прохаживается сам Георгий Залесский. Рядом с ним – мэр нашего города, и они о чём-то неспешно беседуют с важным видом.

Притворяюсь, что с упоением рассматриваю роспись на деревянном медведе, надеясь уменьшиться до размера точки, чтобы он меня не заметил.

Но не вышло...

Наши взгляды встречаются, и я замечаю у него на лбу припухлый синяк. Моих рук дело.

Георгий замирает на секунду, и его глаза становятся узкими, как две щёлочки. Он что-то быстро говорит мэру, потом суёт тому в руки бокал со своим хваленым пивом и направ-

ляется прямиком ко мне.

Сердце падает в туфли, украшенные бисером, которые я надела для антуража.

Залесский не подходит к прилавку. Он обходит палатку сбоку и появляется рядом со мной, в узком проходе между нашими палатками. Запах дорогого парфюма и хмеля окутывает меня с головы до ног.

– Ну, здравствуй, матрёшчица-преступница, – шипит он так, чтобы не слышали покупатели. Его рука хватает меня за локоть и затаскивает в щель между палатками.

– Отстаньте! Я заору! – предупреждаю, пытаюсь вырваться.

– Хоть ори, хоть не ори... – ощеривается он. И прежде, чем я соображу, что делать, его вторая рука нагло, по-хозяйски облапывает меня через тонкую блузку. – Вот они, сокровища-то... Вчера не рассмотрел, как следует.

От возмущения у меня темнеет в глазах. Открываю рот, чтобы действительно закричать, но он наклоняется и шипит прямо в ухо, обдавая горячим дыханием:

– Сегодня, сразу после ярмарки, ты сядишь в чёрный «Гелендваген», что будет стоять у дубовой аллеи. Номер А777АА. Если будешь хорошей девочкой – может, прощу удар по голове. Не сядешь... У меня, дорогуша, и мэр друг, и пожарная инспекция, и санэпидемстанция на подхвате. Разнесу твой сувенирный киоск по щелчку пальцев. Поняла?

– Что уж тут непонятного? – отзываюсь сумрачно.

Георгий отпускает меня, отходит на шаг, поправляет пиджак. На его лице отражается выражение полного удовлетворения, будто только что заключил выгодную сделку.

— Всего хорошего, дорогая! Заходите к нам за пивком! Не пожалеете, — громко говорит мне напоследок и важно вышагивает обратно к мэру, который как раз доедает сосиску в тесте, запивая ее безалкогольным пивом производства хама Залесского.

Я стою, прислонившись к холодной стойке палатки, и пытаюсь дышать. Перед глазами пляшут разноцветные матрёшки. Руки трясутся. Но где-то глубоко внутри, под грудью, которую он только что нагло облапал, начинает разгораться какое-странное чувство...

Господь! Куда я вляпалась-то?

Ко мне подходит пожилая немка и спрашивает что-то про матрёшек. Я автоматически улыбаюсь ей, беру в руки расписную куклу, а сама вижу только жирный чёрный «Гелик» в своём воображении и этот дурацкий номер, намертво врезавшийся в память...

Ярмарка вокруг продолжает веселиться, а у меня в голове тикают часы, отсчитывая время до семи вечера...

Ярмарка затихает, огни гаснут один за другим. Я складываю нераспроданных матрёшек в коробки, сами коробки несу в машину. Выручку уже забрала моя помощница.

Хороший день! Но в голове стучит одна назойливая мысль: «Гелендваген. А777АА. Дубовая аллея. Пивной барон. Хам и нахал. Зарвавшийся богач».

Страшно? Ещё как. Кто знает, что у него на уме?

Дубовая аллея темна и пустынна. Фары мигают мне приветственно. Я глубоко вздыхаю, потрогав в кармане куртки кое-что твердое и круглое (на всякий случай взяла с собой «оружие» – среднюю матрёшку из тройки), и залезаю в полумрак салона.

Не успела сесть, как наглая мужская рука легла мне на талию, а другая тут же, бесстыже и уверенно, прижала мою грудь.

– Мои матрёшечки пришли, – усмехается Георгий мне прямо в ухо, и от его голоса, низкого и наглого, по спине бегают мурашки.

Упираюсь ладонями в его грудь, отстраняясь на полсантиметра, которых хватило, чтобы вдохнуть и выдать:

– У вас, Георгий Романович, я смотрю, фетиш. Национальный. На матрёшки. Это клинический случай. Вам к психоаналитику надо, а не ко мне.

Он фыркает, но не убирает руку.

– Ты кого фетишистом назвала? – возмущается искренне. – Нет. Это вы, Марина, виноваты. Приложили меня по голове не чем-нибудь, а именно матрёшкой. Символично же. Теперь у меня, выходит, психотравма. И образ сложился устойчивый. – Он наконец отпускает меня, откидывается на кожа-

ном сиденье и дает знак водителю трогаться. – Будете компенсировать мне все неприятности. И начнем с ужина.

В слоне чересчур жарко. От нашего разговора и его близости.

Неужели отделаюсь одним только ужином? Верится с трудом...

Георгий привозит меня в свой же пивной ресторан «Залесье». Сегодня он пуст. Даже бармена, полирующего бокалы, за стойкой нет.

Дела...

Нас сажают за лучший столик в центре зала, подают темное пиво и целую тарелку закусок: от черной икры до печеных свиных ребрышек.

Мать честная, как же я голодна!

– За матрёшек, – говорит Залесский тост, и в его взгляде пляшут веселые искорки. – Пей. Моё пиво лучшее из всего, что ты пробовала.

– За фетишистов, – отвечаю я и делаю большой глоток.

Пиво и правда божественное. И от этого вдруг становится обидно. Всё хорошее имеет эта славная семейка – и красоту, и налаженный бизнес, и деньги. Только у меня ничего из этого нет... Плак.

Следующий час мы с Залесским спорим обо всем – о живописи, о дурацких трендах в искусстве и о том, можно ли найти что-то настоящее на городской ярмарке.

Спорим остроумно и смешно, и между нами будто про-

скакивают электрические разряды. Так я прихожу к выводу, что наглый папаша невыносим, но чертовски интересен.

А потом Залесский вдруг откидывается на спинку кожаного дивана, и в его глазах появляется хозяйский блеск. Игривость испарилась, будто и не было её вовсе.

– Ладно, – говорит он. – Хватит болтать. Ты сломала мне планы на вечер с мэром, испортила настроение и поставила синяк на лице. За всё надо платить. Извинений мне не надо.

– А что надо? – шумно сглатываю, поняв, что мы наконец переходим к сути.

Он делает длинную паузу, наслаждаясь моментом.

– Сейчас, Мариночка, ты встанешь и разденешься. Снимешь с себя всё. Затем станцуешь мне русский народный танец. Что-нибудь задорное, с присядкой. Вот тогда – прощу. И про твой ларек забуду. И про всё остальное тоже. Откажешься... – он не договаривает, просто разводит руками, давая моей фантазии дорисовать самые мрачные картины.

В горле пересыхает.

Смотрю на его самодовольное лицо, на пустой шикарный зал, на свою полную кружку. И медленно, очень медленно, встаю...

Глава 3

Я встаю.

Ноги немного ватные от пива и наглости этой ситуации. Георгий смотрит на меня с ожиданием хищника, которому вот-вот перепадет десерт.

– Георгий Романович, – начинаю я, делая максимально честные глаза. – Вы же серьезный человек, бизнесмен. И должны понимать: танцор из меня – никудышный. Я в школе на утренниках даже в хороводе спотыкалась. Вам же не хочется на конвульсии голой женщины смотреть? Это как-то... непрезентабельно. Давайте я лучше... не знаю... вам спою? Частушки похабные сочиню на ходу! Или расскажу анекдот про вашу тещу.

Он медленно потягивает пиво, не отрывая от меня взгляда. На губах играет та же наглая усмешка.

– Нет, – режет он, и мне становится ясно: дискуссия закрыта. – Интересует только танец. Русский, народный и без костюма. Всё честно. Начинай раздеваться.

В голове проносится мысль: «Всё, приплыли. Как выкручиваться-то? Плясать перед пивным бароном голышом мне не улыбается как-то совсем. Что я ему, девочка из эскорта, над которой можно так унижительно потешаться?».

– Ну, хорошо, – вздыхаю обреченно, делая вид, что смирилась. – Но... мне сначала надо сходить в дамскую комнату.

Подготовиться морально. И... физиологически. Вы же не хотите, чтобы представление сорвалось из-за судороги в ноге?

Он смотрит на меня с нескрываемым подозрением, но в конце концов кивает в сторону темного коридора.

– Пять минут, матрёшечка. И не задерживайся.

Иду, стараясь не бежать. Сердце колотится, как сумасшедшее. Да, я вижу туалет. Но также вижу в конце коридора небольшое окошко, вероятно, ведущее на улицу. Оно приоткрыто! Вот мое спасение!

Без лишних раздумий подбегаю к окну, откидываю шторку. Оно узкое, но, кажется, пролезть можно.

Быстро закидываю одну ногу, потом, кряхтя, вторую. Пролезаю по поясу... и тут понимаю, что совершила роковую ошибку.

Мои предательски пышные, наследственные от бабушки бедра намертво застревают в раме.

Пытаюсь оттолкнуться назад – не выходит. Пытаться продвинуться дальше – тем более нет смысла. Так и стою на коленях в этой дурацкой позе, с задранной юбкой.

За спиной раздаются медленные, тяжелые шаги. А потом низкий, полный нездорового веселья голос:

– И чем тут занимается моя балерина? Разминается перед выступлением? Оригинальный разогрев, надо признать.

Георгий подходит вплотную. И я чувствую его тепло за своей спиной.

Его руки ложатся мне на бедра, обхватывают их с двух

сторон. Грубо, по-хозяйски.

– Ох, какие формы... – Георгий насмешливо цокает языком. – Настоящая русская красавица. Прямо картина Репина: «Боярыня Морозова, застрявшая в окне».

Его пальцы впиваются в мою плоть, лапают, сжимают.

– Вытащите меня отсюда, – пишу жалко.

Уж лучше танец, честное слово! Чем вот так, быть заблокированной в окне...

Георгий без всякого стеснения задирает мою юбку еще выше. Прохладный воздух ударяет по коже ягодиц.

– Знаешь, – говорит Залесский, и его голос становится еще более хриплым и низким. – Твой способ расплаты... мне тоже нравится.

И, прежде чем я успеваю выразить протест, его рука ныряет под ткань моих трусов.

Замираю, вжавшись лбом в холодное стекло.

Горячие пальцы касаются складочек, и я дергаюсь, грозя вынести окно вместе с рамой.

Он не спрашивает разрешения. Он действует уверенно, нагло, будто имеет на это какое-то право.

Его пальцы находят самое чувствительное место, и начинается... пытка. Или награда. Я уже не могу отличить одно от другого.

– Какая мягонькая и сочная... – комментирует барон.

Сначала пытаюсь сопротивляться, стиснув зубы. Но волна за волной на меня накатывает такое бесстыдное, оглуши-

тельное удовольствие, что вся злость на мужа, Залесского и его доченьку растворяются в этом нарастающем вихре возбуждения.

– Не сопротивляйся, красавица. Самой же нравится, вон как поплыла.

Громко стону, не в силах сдержаться.

А его пальцы уже глубоко во мне. Что творит, негодяй! Пользуется ситуацией.

Закусываю губу, пытаюсь думать о чем-то другом, но мое предательское тело уже плывет навстречу головокружительному ощущению.

С глупым хлюпающим звуком его пальцы снуют во мне, доводят до экстаза. Мужской голос шепчет пошлые, совершенно непотребные слова, от которых горят уши.

Внутри меня всё сжимается, а потом разрывается ярким взрывом, от которого темнеет в глазах и перехватывает дыхание.

Мое тело обмякает, становится невесомым и податливым. И в этот самый момент Залесский легко, почти не прилагая усилий, вытаскивает меня из окна.

Соскальзываю прямо в его крепкие руки, как перезрелая груша.

Он держит меня на весу, прижимая к себе. Я, беспомощная, вся дрожащая от пережитого. Даже плевать стало на его торжествующую, наглую ухмылку.

– Вот видишь, – шепчет он, целуя меня в мокрый от пота

висок. — А говорила — танцор никудышный. Просто талант твой зарыт в другом, Мариночка. Продолжим.

Пока я стою прижатая к стене, вся размякшая, он уже расстегивает свою ширинку и глядит на меня победным взглядом хозяина положения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.